

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-177-188>

EDN: PMVNUJ

Научная статья / Research Article

Филиппа Фут о гипотетических и категорических императивах

И.Е. Лапшин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 lapshin-ic@rudn.ru

Аннотация. Филиппа Фут вошла в историю академической этики XX в., в первую очередь, как автор статьи «Проблема аборта и доктрина двойного эффекта» (1967), в которой она впервые описала «проблему вагонетки» — мысленный эксперимент, с того времени часто используемый для обоснования различных моральных интуиций. Вместе с тем, в англо-американской философии широко известны и другие работы Фут. Данная статья рассматривает две более ранние работы британского философа: «В защиту гипотетического императива» (1971) и «Мораль как система гипотетических императивов» (1972). Автор в этих работах касается большого количества достаточно разнородных вопросов, но основная линия аргументации Фут представляет собой критику учения Иммануила Канта о категорических и гипотетических императивах и направлена на обоснование ошибочности этой дихотомии. Настоящая статья выделяет наиболее существенные тезисы, выдвигаемые Фут, и воспроизводит ее ключевые аргументы. Опираясь на обыденный язык, британский философ сопоставляет гипотетические императивы и категорические императивы с императивами этикета и морали соответственно и стремится продемонстрировать, что требования этикета в некоторых ситуациях имеют силу не-гипотетического императива. С другой стороны, Фут задается вопросом, насколько оправданно наше восприятие моральных императивов как императивов категорических, то есть таких, которым мы должны следовать безотносительно наших интересов и желаний. Также она касается вопроса связи моральных убеждений и моральной мотивации, оспаривая необходимость этой связи. Данная статья критически анализирует основную линию аргументации Фут, оспаривая обоснованность отдельных аргументов и указывая на необходимость уточнения некоторых позиций, а также демонстрирует, что ее критика в адрес Канта во многих отношениях не достигает своей цели.

Ключевые слова: Кант, этика, моральная философия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 11.07.2025

Статья принята к публикации 01.12.2025

© Лапшин И.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Лапшин И.Е. Филиппа Фут о гипотетических и категорических императивах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 1. С. 177–188. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-177-188>
EDN PMVNUJ

Philippa Foot on Hypothetical and Categorical Imperatives

Ivan Y. Lapshin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 lapshin-ic@rudn.ru

Abstract. Philippa Foot entered the history of 20th-century academic ethics primarily as the author of the article “The Problem of Abortion and the Doctrine of Double Effect” (1967), in which she first introduced the “trolley problem” — a thought experiment that has been frequently used to justify various moral intuitions ever since. However, other works by Foot are also well-known in the British-American philosophy. This article examines two earlier works by the British philosopher, “In Defense of the Hypothetical Imperative” (1971) and “Morality as a System of Hypothetical Imperatives” (1972). In these works, Foot addresses a large number of quite diverse issues, but her main line of reasoning is a critique of Immanuel Kant’s doctrine of categorical and hypothetical imperatives and is aimed at debunking of this dichotomy. This article highlights the most significant theses put forward by Foot and reproduces her key arguments. On the basis of everyday language the British philosopher compares hypothetical imperatives and categorical imperatives with the imperatives of etiquette and morality, respectively, and seeks to show that the requirements of etiquette have the force of a non-hypothetical imperative in some situations. On the other hand, Foot questions the extent to which our perception of moral imperatives as categorical imperatives, i.e., those that we must follow regardless of our interests and desires, is justified. She also addresses the issue of the connection between moral beliefs and moral motivation, putting the necessity of this connection into question. This article critically analyzes Foot’s main line of reasoning, challenging the validity of several arguments and indicating the necessity to clarify certain positions as well as demonstrating that Foot’s criticism of Kant misses its goals in many respects.

Keywords: Kant, ethics, moral philosophy

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 11.07.2025

The article was accepted on 01.12.2025

For citation: Lapshin IY. Philippa Foot on Hypothetical and Categorical Imperatives. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(1):177–188. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-1-177-188> EDN PMVNUJ

Введение

Английский философ Филиппа Фут в отечественной философской литературе более всего известна как автор «проблемы вагонетки», мысленного эксперимента, предлагающего сделать выбор между двумя альтернативами,

ни одна из которых не позволяет избежать человеческих жертв, а затем обосновать сделанный выбор. Вариативность этого эксперимента, сравнительная простота изложения условий, а также многообразие возможных обоснований того или иного выбора сформировали в последние десятилетия не только самостоятельный раздел современной этики, с подачи американского философа К.Э. Аппиа иногда называемый «вагонеткологией» [1. Р. 89], но и целый пласт интернациональной культуры, выходящей за собственно академические рамки (включающей в себя интернет-мемы, комментарии реальных железнодорожников и т. д.).

Впрочем, было бы несправедливо ограничивать вклад Фут в современную моральную философию только разработкой мысленных экспериментов. Одним из вопросов, к которым она обращалась несколько раз на протяжении своей жизни, был вопрос об оправданности различения гипотетических и категорических императивов в этике Канта. Еще во время своего обучения в Сомервиль-колледже Оксфордского университета Фут проявила интерес к философии Канта, получив затем в 1942 г. степень бакалавра за исследование в этой области. В пятидесятых и шестидесятых годах британский философ посвящает свои статьи вопросам этики Аристотеля, проблемам свободы воли и моральной аргументации, обращаясь затем к этике Канта. В 1972 г. выходит ее статья «Мораль как система гипотетических императивов» [2] — дополненный и переработанный вариант статьи «В защиту гипотетического императива» [3], изданной годом ранее. Композиция обоих текстов неоднородна и не вполне линейна; автор касается в них различных, хотя и связанных между собой проблем моральной философии. Попытаемся кратко изложить содержание этих текстов, обозначим ключевые вопросы, затронутые Фут, и затем перейдем к теме настоящей статьи — критике Фут понятия категорического императива.

Гипотетические и категорические императивы: классическая схема под критикой Фут

В начале статьи 1972 г. Фут приводит цитату из «Основ метафизики нравственности»: «Все императивы... повелевают или гипотетически, или категорически. Первые представляют практическую необходимость возможного поступка как средство к чему-то другому, чего желают (или же возможно, что желают) достигнуть. Категорическим императивом был бы такой, который представлял бы какой-нибудь поступок как объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо другой цели... Если же поступок хорош только для чего-то другого как средство, то мы имеем дело с гипотетическим императивом; если он представляется как хороший сам по себе, стало быть как необходимый для воли, которая сама по себе сообразна с разумом как принципом ее, то императив — категорический» [4. С. 41].

Британский философ задается вопросом: действительно ли этика представлена категорическими, а не гипотетическими, императивами [2. Р. 307]?

Этому можно найти подтверждение в повседневной речи, в которой различаются «следует» (should) и «должен» (ought), причем это различие пролегает примерно там же, где и различие между гипотетическими и категорическими императивами. Если мы скажем путешественнику, направляющемуся домой, что ему следует сесть на определенный поезд, чтобы добраться до дома, этот императив будет иметь силу только в случае, если путешественник действительно направляется домой. Если окажется, что он передумал, либо что этот поезд не может доставить его домой, императив окажется ничем не подкрепленным, безосновательным. Иначе работают моральные императивы: когда мы говорим, что человек должен сделать что-то (в моральном смысле), нам нет надобности соотносываться с его желаниями и потребностями: подобный императив в принципе не может оказаться безосновательным в значении, употребленном выше. Фут также отмечает, что разница между двумя видами императивов не является просто отражением некоего свойства языка, позволяющего конструировать императивы двух видов; Кант, называя моральные императивы категорическими, приписывал им особую значимость и не-избежность, неизбежность (*inescapability*), безусловную повелевающую силу.

Но такая дихотомия, пишет Фут, по какой-то причине сохраняется не везде: правила этикета, с ее точки зрения, могут нести в себе не-гипотетическую императивность [2. Р. 308]. В обоснование своего тезиса она приводит следующий пример: предположим, секретарь некоего клуба говорит одному из его членов: «женщин нельзя приводить в курительную комнату» и узнает, что тот завтра покидает клуб и поэтому ему теперь безразличны правила клуба. Едва ли секретарь ответит в духе «а, тогда все в порядке»: это был бы странный ответ. Здесь как будто бы ощущаются вышеупомянутые неизбежность и безусловная повелевающая сила, свойственные категорическим императивам; наоборот, типичной для гипотетических императивов утраты «опоры» не происходит, когда выясняется, что член клуба принял решение его покинуть. Из чего Фут делает вывод, что правила клуба являются категорическими императивами.

С другой стороны, пишет британский философ, если правила клуба — правила этикета — являются категорическими императивами, они должны сами по себе мотивировать нас к действию, то есть обладать самостоятельной обосновывающей силой (*reason-giving force*) [2. Р. 310]. Но это не так: если мы узнаем, что в некотором месте принято вести себя определенным образом, само по себе это не дает нам основания следовать принятым там нормам. С третьей стороны, продолжает Фут, справедливо ли мы считаем, что моральные императивы обладают упомянутой силой? Ведь это положение «чаще повторяют, чем объясняют» [2. Р. 309]. Иногда предпринимаются попытки обосновать мораль через рациональность, утверждая, что человек, сознательно ведущий себя аморально, иррационален. Но, как считает Фут, такого человека мы можем обвинять только, собственно, в аморальности,

а не в непоследовательности или иррациональности, если он не видит основания вести себя морально.

Дальше Фут задается вопросом: а в чем именно тогда состоит различие между гипотетическими и категорическими императивами [2. Р. 311]? Ни те, ни другие не обладают обосновывающей силой сами по себе; и те, и другие неизбежны — кроме случаев, когда отвергается этикет или мораль целиком. Британский философ предполагает, что, вероятно, наше отношение к категорическим императивам как к чему-то более строгому и обязывающему формируется с воспитанием в нас *чувства* их неизбежности. Подобно тому, как мы можем ощущать, что мы падаем, понимая, что находимся на месте, мы можем ощущать моральный императив, не имея реальных оснований ему следовать [2. Р. 312].

Выводы, которые предлагает Фут: если мы называем моральные правила категорическими императивами, у нас есть на то не больше оснований, чем в случае с правилами этикета. Разница между гипотетическими и категорическими императивами трудноуловима, имеющиеся обоснования этой разницы туманны [2. Р. 312]. Ей претит взгляд на мораль, который обосновывает ее через принуждающее долженствование и неизбежность. В мире людей есть честность, щедрость и множество других явлений, не основанных, как она считает, на чувстве долга. Разумеется, если отказаться от идеи моральных императивов как безусловных долженствований, окажется не вполне ясным, что должно побуждать человека следовать моральным нормам; Фут понимает, что предлагает взгляд на мораль, который может показаться разрушительным для нее. Но, «вероятно, нам следует меньше беспокоиться насчет страха отступить от морального мотива; вероятно, у нас было бы еще меньше оснований для этого страха, если бы люди думали о себе как о добровольцах, объединившихся ради борьбы за свободу и справедливость и против бесчеловечности и угнетения» [2. Р. 315].

Статья Фута «Мораль как система гипотетических императивов» вызвала множество комментариев и возражений в первые же годы после публикации [5–9]. Ее манера изложения позволяет воспринимать разные тезисы ее статьи в качестве ключевых. На наш взгляд, наибольшего внимания достойны следующие:

1. «Следует» (should) и «должен» (ought) соотносятся примерно так же, как гипотетические и категорические императивы Канта: мы говорим, что человеку *следует* что-то сделать, если это действие направлено на достижение поставленной им себе цели, и говорим, что он *должен* что-то сделать, когда это некое абсолютное требование, не обусловленное его желаниями и интересами;

2. Сфера этикета, как кажется, — это сфера «следует», так как императивы этикета привязаны к конкретной ситуации, сообществу и т. п. и не претендуют на всеобщую значимость, в отличие от императивов этики, тем не менее, по крайней мере в некоторых случаях мы встречаем не-гипотетическое

употребление императивов этикета, из чего можно сделать вывод, что это — категорические императивы;

3. Если правила этикета — это категорические императивы, они должны обладать самостоятельной обосновывающей силой. Однако это не так: узнав, что в месте, где мы оказались, принято вести себя определенным образом, мы тем самым еще не обретаем основания вести себя таким образом. Более того, следует еще доказать, что и моральные правила обладают самостоятельной обосновывающей силой;

4. Вероятно, отношение к императивам морали как к чему-то особенному — следствие специфического воспитания.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих тезисов, позволим себе несколько общих ремарок. Фут озаглавила свою статью «Мораль как система гипотетических императивов», и в целом ее рассуждения нельзя назвать нерелевантными теме статьи. Однако нельзя не отметить, что она никак не обосновывает свое предположение, что моральные императивы являются гипотетическими — отталкиваясь от схемы Канта, она просто «низводит» их до статуса гипотетических, как если бы у немецкого философа речь шла о более «приземленном» и более «возвышенном» статусах. Косвенно на это указывает название более ранней статьи, «В защиту гипотетического императива». Однако мысль Канта, разделяющего гипотетические и категорические императивы, заключалась не в этом: дело не в том, что гипотетические императивы «недостойны» того, чтобы на них строилась система морали — они просто для этого непригодны в силу своей контингентности, ситуативности и т. д.

Кроме того, Фут не видит причин называть человека, игнорирующего моральные соображения, нерациональным: «на самом деле, человека, который отвергает мораль, потому что не видит оснований подчиняться ее правилам, можно обвинить в гнусности, но не в непоследовательности» [2. Р. 310]. С точки зрения обыденных представлений о морали подобному ходу мысли трудно что-то противопоставить, но в контексте кантовской этики это звучит странно: именно в «Основах метафизики нравственности», которые цитирует Фут, Кант подробно обосновывает нерациональность, по крайней мере, некоторых интуитивно аморальных поступков через непоследовательность воли, намеревающейся их совершить: невозможно, например, желать дать обещание вернуть заем, не собираясь его возвращать, так как это означало бы желать уничтожить условия, при которых займы обычно выдаются [4. С. 53].

Далее мы сознательно не рассматриваем линию рассуждений британского философа о ценности честности, щедрости и других добродетелей, стремление к которым едва ли может быть обосновано через уважение к моральному закону. Фут представляет Канта как психологического гедониста, а его этику, по существу, как этику добродетелей, в которой есть только одна добродетель — добродетель следования долгу [2. Р. 313]. В остальном ее рассуждения по этому поводу, на наш взгляд, тривиальны, если иметь в виду общий неаристотелианский контекст ее рассуждений. Перейдем теперь, собственно, к тезисам (1), (2), (3) и (4).

Что можно возразить в защиту Канта?

(1) Фут, разумеется, была не первой, кто обнаружил различие между обыденными и моральными смыслами побудительных или оценочных высказываний, которое можно заметить, не обладая специальными познаниями в философии. Например, Людвиг Витгенштейн в своей «Лекции об этике» различал тривиальные и этические смыслы слов «хороший» и «плохой»: первые всегда соотносятся с некой целью или предназначением, без которых невозможно говорить о вещи как о хорошей или плохой (хороший стул — это стул, на котором удобно сидеть), последние же хороши или плохи сами по себе и не служат средством для достижения какой бы то ни было цели [10. С. 240]. В том же тексте Витгенштейн различает два контекста, в которых мы можем адресовать другому человеку критические ремарки: если ко мне, играющему в теннис, подходят и говорят, что я играю плохо, я могу ответить, что я в курсе, но меня устраивает уровень моей игры, и это будет уместный и достаточный ответ на критику в мой адрес. Но если ко мне подходят и говорят: «Вы ведете себя как скотина», я не могу ответить «я знаю, все в порядке». Трудно сказать, как бы Кант отнесся к такой «филологизации» своей концепции, но, по крайней мере, можно признать, что для нее есть некоторые основания.

(2) С другой стороны, именно «филологизация» моральной проблематики неявно расширяет ее до круга проблем, природа которых не обязательно имеет отношение к морали. Вернемся к примеру из статьи Фут про нарушителя клубных правил. Во-первых, британский философ, во вполне витгенштейнианском духе опираясь на обыденный язык, моделирует обыденный диалог и использует абсурдность одного из вариантов развития этого диалога как аргумент в пользу своей точки зрения. Действительно, реплика «я завтра покидаю клуб» в ответ на замечание о нарушенном правиле звучит странно¹. Но в чем именно заключается странность? Фут, очевидно, подразумевает, что фраза «я завтра покидаю клуб» не годится в качестве обоснования моральной допустимости нарушать правила клуба — как если бы нарушитель участвовал в моральной дискуссии, инициированной секретарем, и этот обмен репликами происходил бы при отстраненном обсуждении ситуаций, в которых допустимо нарушать правила клуба. Но в моделируемой ситуации это не так. Секретарь клуба озвучивает правило клуба перформативно, ожидая от нарушителя каких-то действий (или объяснений, но касающихся, в первую очередь, данной конкретной ситуации, а не множества возможных аналогичных). Представим ситуацию, в которой секретарь клуба озвучивает члену клуба правило, которое сам придумал минуту назад — например, «в клуб нельзя приходить в ботинках черного цвета». Предположим теперь, что член клуба,

¹ Отметим, что ни в одной из двух обсуждаемых статей Фут из описания моделируемой ситуации не следует однозначно, что на замечание о нарушении правила клуба секретарю отвечает сам нарушитель. Но если предположить, что в этой ситуации участвует еще и некий третий человек, суть нашей аргументации не изменится, но ее изложение придется сделать более громоздкой.

понимая, что такого правила нет, и глядя на свои черные ботинки, отвечает секретарю той же репликой: «я завтра покидаю клуб». Ответ по-прежнему создает абсурдную коммуникативную ситуацию, но, очевидно, вовсе не потому, что мы можем приравнять его к «да, я веду себя как скотина, я знаю» — что могло бы служить подтверждением аргументации Фут; здесь со стороны члена клуба не производится попытка «низвести» категорический императив до гипотетического, а затем заявить о своей незаинтересованности в цели этого императива. Кроме того, секретарь и нарушитель (мнимого или действительного) правила не находятся в ситуации ведения моральной дискуссии — по крайней мере, это не основной контекст их коммуникации. Родительский оклик «зачем ты мучаешь кота?», в чем-то перформативно схожий с репликой секретаря в первоначальном сценарии, аналогичным образом не имеет своей целью подтолкнуть ребенка к поиску аргументов, которые могли бы обосновать моральную допустимость издевательств над животным.

Во-вторых, британский философ рассматривает ситуацию «женщин нельзя приводить в курительную комнату» — «я завтра покидаю клуб» как пример пренебрежения правилами этикета, в котором как будто бы нарушается нечто более существенное, чем гипотетический императив. При этом кажется вполне очевидным, что любой этикет оперирует именно гипотетическими императивами — или, по крайней мере, будучи системой правил о приличествующем и уместном, то есть правил, не подлежащих универсализации — точно не категорическими. Откуда же тогда берется неотвратимость (*inescapability*) предъявляемого члену клуба требования? Фут при описании этой ситуации оставляет без внимания обстоятельства, которые этой ситуации, очевидно, предшествовали, при этом они из этого описания вполне однозначно вычитываются. Нарушитель правил клуба некогда вступил в этот клуб, таким образом добровольно взяв на себя обязательство следовать его правилам. В какой-то момент ему указывают на то, что он нарушил правило. В ответ на это указание он, по существу, говорит: «завтра меня уже не будет в клубе, поэтому мне безразлично мнение его членов обо мне, его правила для меня ничего не значат». Но тогда здесь возникает проблема морального характера, проблема, выходящая за рамки сферы этикета: дело вовсе не в том, что он нарушил какое-то конкретное правило и отказывается ему подчиниться; дело в том, что он отказывается следовать правилам — какими бы они ни были — которым он некогда обязался следовать. И тогда здесь речь идет о максимах, которые можно подвергнуть кантовской проверке на универсализируемость: обвиняемый в нарушении правил клуба должен был бы выбрать в качестве максимы своего поведения следующее: «соблюдай правила сообщества, которые ты добровольно взялся соблюдать». Вместо этого он, получается, в качестве максимы своего поведения избрал иное: «правила сообщества, которые ты добровольно взялся соблюдать, можно нарушать с того момента, как ты решил покинуть это сообщество». Первая максима легко универсализируема, а воля человека, который ей следует, не вергает саму себя в

противоречие. Напротив, вторая максима проблематична в той же мере, что и максима из примера, приводимого Кантом в «Основах метафизики нравственности»: «в случае крайней материальной нужды можно брать деньги взаймы, заведомо не собираясь их возвращать».

Предположим теперь, что этот человек, покинув упомянутый клуб, пожелает присоединиться к другому. Секретарь последнего будет иметь вполне понятные моральные основания воспрепятствовать этому, если он знает о произошедшей в первом клубе ситуации. Мотивом такого решения, очевидно, будет не «он привел даму в курительную комнату какого-то клуба и тем самым нарушил правила этикета этого клуба», а «он считает себя вправе нарушать правила клуба (в который он перед этим добровольно вступил) сразу после того, как он перестает считать себя членом клуба, а последнее может произойти в любой момент, когда ему заблагорассудится».

Ключевую роль здесь играет добровольное взятие на себя обязательств по соблюдению правил: в век мессенджеров и социальных сетей представим себе, что студента (без его активного участия) добавляют в чат, где он сразу же нарушает какое-то правило. Предположим, это чат, посвященный разбору сложных экзаменационных задач по конкретному предмету, а студент начинает в нем обсуждение каких-то посторонних вопросов. Недовольство в адрес этого студента со стороны участников чата будет вполне понятным, но, в отличие от ситуации, которую рассматривает Фут, это недовольство не будет морально обоснованным: студент нарушил правило, о котором, по всей видимости, узнал только что. Если теперь он скажет: «все в порядке, я уже ухожу» и покинет чат, у участников чата не будет оснований для моральных претензий.

Таким образом, в схеме, сопоставляющей категорические императивы с требованиями морали, а гипотетические — с требованиями любого другого рода, требования этикета вполне однозначно должны быть помещены во вторую ее часть.

(3) Выше мы показали, что неизбежность (*inescapability*) у правила этикета появляется только тогда, когда оно оказывается связанным с неким моральным правилом так, что нарушение первого правила одновременно является нарушением второго. Таким образом, вопрос о самостоятельной обосновывающей силе уместен только в отношении моральных императивов.

Фут неоднократно акцентирует, что в некоторых случаях человек, признавая некое моральное требование справедливым, не видит оснований ему подчиниться (не считает, что это в его интересах). Но что означает это утверждение? Комментаторы Фут подвергают его критике с разных точек зрения, но сходятся на том, что отстаиваемая здесь ею линия рассуждений допускает весьма различные понимания. Р.Л. Холмс пишет, что она не различает мотивирующее (*motivating*) основание и оправдывающее (*justifying*) основание для действия [7. Р. 98]. В первом случае речь идет об основании для совершения действия, во втором — об основании для суждения, которое, в свою очередь,

может быть основанием для совершения действия. Учение Канта об императивах — это не учение о связи правил и мотивов, побуждающих следовать этим правилам. Если опираться на предлагаемое Холмсом разделение оснований, Кант в категорическом императиве видел способ обоснования суждений, а не мотиваций. Немецкий философ согласился бы с Фут в том, что обоснование морального суждения само по себе еще не сообщает мотива поступать в соответствии с этим суждением. Кроме того, различие между гипотетическими и категорическими императивами у Канта — это различие между двумя разными типами высказываний, а не различие в их перформативном употреблении, способности мотивировать к действиям и т. д.

Фут в ответной статье упрекает Холмса в том, что тот не улавливает сути беспокоящего ее вопроса, отвечая на него в духе «правила этикета обосновывают наши действия с точки зрения этикета, а моральные правила — с точки зрения морали» [11. Р. 55]. Откуда же тогда возникает разделяемая многими моральными философами (Кантом в том числе) интуиция, что обоснование с точки зрения морали — это не обоснование с одной из многочисленных точек зрения, а обоснование, которое обладает уникальной, особенной силой? На это пытается ответить Д.З. Филлипс. Он соглашается, что нет смысла доказывать человеку, не видящему оснований следовать моральным императивам, что такие основания на самом деле у этого человека есть [5. Р. 146]. Но дело в другом: Фут смешивает обстоятельства, при которых люди следуют моральным императивам, и причины, по которым они им следуют. Если я, спеша по своим делам, наблюдаю на улице человека, потерявшего сознание и нуждающегося в моей помощи, я могу задуматься, в моих ли интересах попытаться ему помочь. Но эти рассуждения возникают только тогда, когда я уже обнаружил себя небезразличным к страданию другого человека. Вопрос о моих интересах едва ли здесь, таким образом, релевантен. Это хорошо видно на следующем примере: я вспоминаю ситуацию, случившуюся в прошлом, когда я не помог человеку, нуждавшемуся в моей помощи, и говорю сам себе: «мне тогда следовало помочь тому человеку». Если я теперь становлюсь объектом внешней критики: «ты должен был тогда помочь тому человеку» — апелляция к отсутствию у меня тогда заинтересованности никак меня от этой критики не защищает.

Трудно сказать, в какой мере аргументы Холмса и Филлипса отвечают на вопрос Фут о самостоятельной обосновывающей силе моральных суждений, но, по крайней мере, они демонстрируют, что задаваемый вопрос значительно сложнее, чем это представлялось ей самой, и требует уточнения.

(4) Фут формулирует свой тезис о систематически воспитываемом чувстве не-избежности морали как возможное объяснение причин, почему люди воспринимают требования морали как обладающие особой силой и значением. Этот тезис она предлагает как последнее звено в цепочке своих аргументов, недостаточную обоснованность которых мы постарались продемонстрировать выше. Отметим все же, что этот тезис проблематичен и сам по

себе, безотносительно остальной аргументации Фут: если чувство общеобязательности моральных правил систематически воспитывается и это единственная причина, по которой мы отделяем мораль от этикета и т. д., возникает вопрос, почему большинство родителей находят убедительные для себя основания воспитывать в своих детях именно это чувство [6. Р. 225].

Заключение

Филиппа Фут, в большей мере известная как новатор в этике и самобытный автор, обращалась и к классическим этическим концепциям. Не идентифицируя себя с кантианством, она, тем не менее, неоднократно обращалась к текстам Канта и его некоторым концепциям. В двух своих статьях начала 1970-х гг. она предприняла попытку доказать, что кантовское деление императивов на гипотетические и категорические проблематично и что у нас нет надежных оснований считать императивы морали категорическими, а в некоторых случаях, наоборот, неморальные императивы претендуют на роль категорических. Однако ключевой для аргументации Фут пример неудачен, так как расширяет сферу морали до сферы человеческой коммуникации и маскирует разницу между неуважением к соображениям морали и неуважением к действующему этикету. Хотя этот пример поднимает потенциально небезыңтересные вопросы, аргументом против кантовского деления императивов на гипотетические и категорические он не является. Вопрос Фут о природе неизбежности (*inescapability*) морали безусловно интересен, но она формулирует его таким образом и в таком контексте, что трудно отделить этот вопрос от множества смежных. С этой трудностью столкнулись ее критики — Р.Л. Холмс и Д.З. Филипс, и для прояснения этого вопроса ввели дистинкции, отсутствовавшие у Фут, но не вполне ясно, проясняют ли эти дистинкции исходный вопрос или трансформируют его в некий другой. Наконец, она предлагает свой вывод о строгом моральном воспитании как источнике особого отношения к соображениям морали, полагая доказанным, что моральные императивы являются гипотетическими, а введенная Кантом дихотомия императивов ошибочна. Тем не менее, как мы продемонстрировали, кантовское учение об императивах выдерживает критику Фут.

Список литературы / References

- [1] Appiah KA. *Experiments in Ethics*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; 2008.
- [2] Foot Ph. Morality as a System of Hypothetical Imperatives. *The Philosophical Review*. 1972;81(3):305–316. DOI: 10.2307/2184328
- [3] Foot Ph. In Defense of the Hypothetical Imperative. *Philosophic Exchange*. 1971;2(1):136–145.
- [4] *Кант И. Основы метафизики нравственности*. М. : АСТ, 2025.
Kant I. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Moscow: AST publ.; 2025. (In Russian).

- [5] Phillips DZ. In Search of the Moral ‘Must’: Mrs. Foot’s Fugitive Thought. *The Philosophical Quarterly*. 1977;27(107):140–157. DOI: 10.2307/2219424
- [6] Nesbitt W. Categorical Imperatives — A Defense. *The Philosophical Review*. 1977;86(2):217–225. DOI: 10.2307/2184008
- [7] Holmes RL. Is Morality a System of Hypothetical Imperatives? *Analysis*. 1974;34(3):96–100. DOI: 10.2307/3327492
- [8] Valberg E. Philippa Foot on Etiquette and Morality. *The Southern Journal of Philosophy*. 1977;15(3):387–391. DOI: 10.1111/j.2041-6962.1977.tb00193.x
- [9] Frankena WK. The Philosopher’s Attack on Morality. *Philosophy*. 1974;49(190):345–356.
- [10] Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930 г.) // Историко-философский ежегодник. 1989. № 4. С. 238–245.
Wittgenstein L. Lecture on Ethics (1929 or 1930). *History of Philosophy Yearbook*. 1989;(4):238–245. (In Russian).
- [11] Foot Ph. ‘Is Morality a System of Hypothetical Imperatives?’ A Reply to Mr. Holmes. *Analysis*. 1974;35(2):53–56. DOI: 10.2307/3328030

Сведения об авторе:

Лапшин Иван Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры этики, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-8558-0670. SPIN-код: 8239-0753. E-mail: lapshin-ie@rudn.ru

About the author:

Lapshin Ivan Y. — CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Ethics, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 1171986, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8558-0670. SPIN-code: 8239-0753. E-mail: lapshin-ie@rudn.ru